

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-2-171-180

УДК 81

ГЛОБАЛЬНАЯ АНГЛО-НАЦИОНАЛЬНАЯ ДИГРАФИЯ: ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.А. Ривлина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

Цель статьи — выявить и описать транслингвальные стратегии, позволяющие носителям русского языка создавать на основе стремительно развивающейся англо-русской диграфии амбивалентные, лингвистически нейтральные единицы, которые не могут быть с однозначностью отнесены ни к одному из взаимодействующих языков и письменных систем, в современном письменном русскоязычном дискурсе в России. Материалом для анализа стали примеры из двух коммуникативных сфер: современного российского лингвистического ландшафта и названий российских интернет-сайтов, в которых наиболее ярко проявляются транслингвальные тенденции во взаимодействии латиницы и кириллицы. С точки зрения теории транслингвизма, т.е. как создающие зоны «между языками» в письменном взаимодействии русского языка с глобальным английским, в статье интерпретируются явления окказиональной англо-русской транслитерации, игровой «кодовой амбигуации» и «кодового переплетения», межъязыковой лексической вариативности и графической реставрации когнатов, интернациональных слов и заимствований, а также стратегия сокращения перекрещивающейся лексики.

Ключевые слова: глобализация, билингвизм, транслингвизм, бискрипталлизм/графический билингвизм, диграфия

1. ВВЕДЕНИЕ

Глобализация английского языка породила глобальный англо-национальный бискрипталлизм (графический билингвизм) и диграфию, т.е. массовое овладение латиницей, ассоциирующейся с глобальным английским языком, и ее использование для представления местных языков наряду с местными системами письма. Эти социолингвистические явления необходимо интерпретировать в терминах транслингвизма, нового подхода в социолингвистике многоязычия и языковой контактологии, который позволяет охватить все случаи взаимодействия англоязычных/латинизированных графических ресурсов с местными в составе интегрированного языкового репертуара коммуникантов и более полно описать их использование в местном социолингвистическом контексте для творческого противопоставления языков или, наоборот, стирания границ между языками на письме. Транслингвальный подход оказывается особенно актуальным для исследования языкового контакта в странах «расширяющегося круга» английского языка, к которым относится Россия.

Одним из аналитических инструментов, позволяющих более глубоко исследовать проявления письменного многоязычия, является не часто используемое в описании билингвизма понятие «диграфии», а также связанные с ним понятия «графический билингвизм», «бискрипталлизм», «двуписьменность» [1; 2. С. 49; 3], под которыми в наиболее общем смысле понимается использование двух графических систем для письменной формы одного национального языка в диахронии или в синхронии. В случае диахронной диграфии происходит смена одной письменной системы другой во времени, например, переход некоторых бывших советских республик, таких как Молдавия или Туркменистан, с кириллицы на латиницу. При классической синхронной диграфии два сообщества, говорящие на одном и том же языке, используют разные системы письма, как в случае с сербохорватским языком, который реализуется в системе письменности на основе кириллицы в православной Сербии и в системе на базе латинского алфавита в католической Хорватии. В социолингвистическом исследовании диграфии основное внимание уделяется социальным факторам, вызывающим данное лингвистическое явление, таким как идеология, культура или религия.

Глобализация английского языка как основной социолингвистический фактор современности способствует возникновению новой ситуации синхронной диграфии — во всем мире люди помимо местной, национальной, системы письменности усваивают и начинают использовать так называемую «англографию», т.е. ориентированную на английский язык латиницу. В результате, большинство современных языковых сообществ приобретают до определенной степени черты диграфии, а именно, англо-национальной диграфии. Данный феномен подтверждает важнейшее положение социолингвистики глобализации о том, что язык не подвергается глобализации целиком, но глобальное распространение получают языковые ресурсы, которые становятся частью языкового репертуара говорящих и позволяют говорить об ограниченном, «усеченном» знании языка и, соответственно, об «усеченном многоязычии» (“truncated multilingualism”) [4. С. 20—21].

В плане письменной составляющей, люди в разных странах мира, даже не владея английским языком в полном объеме и не являясь билингвами в классическом понимании этого термина, усваивают англо-ориентированную латиницу и переключаются с одной письменной системы на другую, используют транслитерацию, не обязательно при этом переключаясь с местного языка на английский или с английского языка на местный. Ф. Ангермеер определяет эту ситуацию во взаимодействии языков как «диграфию без билингвизма» (по аналогии с «диглоссией без билингвизма») [5. С. 495], а Дж. Ангер как периферийный тип диграфии, «функциональную диграфию», т.е. неполное сосуществование двух систем письма, когда члены языкового сообщества владеют латинизированным вариантом языка, но не производят и не читают развернутые тексты на этом варианте [6. С. 141].

Наиболее ярко англо-национальная диграфия проявляется в тех сферах языкового бытования, которые подвергаются глобализации в наибольшей степени. К таким сферам относится, например, сфера лингвистического ландшафта, т.е. городских надписей. В этой сфере описывается широко распространенная в разных странах мира практика создания надписей в виде транслитерированных англ-

лийских лексических единиц, то, что Т. Бхатия и У. Ричи определяют как «английский язык в оболочке нелатинских систем письма» [7. С. 573], типа *Айкрафт* (сеть оптик) в России, или, наоборот, «псевдо-английских» названий на латинице [8. С. 43], типа *Zavarka* (магазин чая). Другой важной сферой глобального распространения навыков практической англо-национальной транслитерации является сфера компьютерно-опосредованной коммуникации. Ее развитие в силу технических причин потребовало на начальном этапе латинизации национальных языков, что привело к формированию функциональной «компьютерно-опосредованной диграфии» [9], например, при использовании латинизированного варианта русского языка, типа *mechtapoeta.com, mexa.ru*.

В анализе подобных примеров англо-национальной диграфии в различных контекстах в современной зарубежной лингвистической контактологии все чаще прослеживается отказ от их трактовки как проявлений билингвизма в традиционном понимании и переход к анализу с позиций теории транслингвизма. В отличие от бинарной модели языкового контакта, основанной на противопоставлении двух языков как структурно устойчивых и обособленных систем, чередующихся в речи билингва, транслингвальная модель акцентирует неопределенность, «размытость», интегрированность языковых ресурсов, образующих языковое пространство между языками, за пределами языков (“between and beyond languages”, “across languages”) (см. обзор в работах [10–13]). А. Пенникук иллюстрирует транслингвальный подход на примере городской вывески на латинице в Куала-Лумпуре *Pubdankaraoke*, объединяющей единицы, строго говоря, трех языков — английского (*pub*), индонезийского (*dan*, союз «и») и японского (*karaoke*). Все эти слова понятны читающим, входят в их языковой репертуар, и поэтому в вопросе, является ли вывеска одноязычной (индонезийский вариант английского языка), двуязычной (английский и индонезийский языки), трехязычной (английский, индонезийский и японский), или же ее нельзя однозначно отнести ни к одному из перечисленных вариантов ответа, А. Пенникук склоняется к последнему. Он подчеркивает, что в описании таких примеров сама количественная постановка вопроса некорректна и анализу должны подлежать не отдельные языки, а языковые ресурсы в речевой деятельности коммуникантов [11. С. 68–69]. С точки зрения транслингвального подхода, лингвистически амбивалентные языковые единицы, которые возникают в результате транслингвальной деятельности, описываются как «лингвистически нейтральные» [14. С. 108]. В письменной речи транслингвальная деятельность конкретизируется как «транс-скрипталлизм», или «письменно-ориентированная транслингвальная деятельность» (“trans-scripting”, “script-focused translanguaging”) [15. С. 188].

Глобализация английского языка и развитие глобальной англо-национальной диграфии способствуют усилению транслингвизма в повседневной языковой практике жителей в разных странах мира, особенно в странах так называемого «расширяющегося круга» английского языка, к которым относится Россия. Цель данной статьи — выявить и описать транслингвальные стратегии, позволяющие носителям русского языка создавать на основе стремительно развивающейся англо-русской диграфии и взаимодействия латиницы и кириллицы амбивалентные,

лингвистически нейтральные единицы в современном письменном русскоязычном дискурсе в России.

Материалы и методы. Материалом для анализа в данной статье стала выборка из примеров, собранных в рамках более широкого исследования процессов англолизации русскоязычного дискурса, проводимого с 2004 г., отдельные результаты которого отражались, в частности, в работах [13; 16—18]. Выбранные примеры относятся к двум коммуникативным сферам — современного российского лингвистического пейзажа и названий российских интернет-сайтов, потому что, как было отмечено во введении, глобализация английского языка в письменной составляющей наиболее очевидно проявляется именно в этих сферах. Аргументом для их объединения послужило то, что примеры из этих сфер часто оказываются взаимосвязаны друг с другом, поскольку названия магазинов, ресторанов и других городских учреждений отражаются в названиях их интернет-сайтов, а выбор латинизированных городских наименований порой оказывается обусловлен тем, что позволяет облегчить их онлайн-поиск. Кроме того, подобные примеры могут быть при необходимости сверены и подтверждены с помощью интернет-сети. Важно, что языковые единицы этих двух сфер ориентированы на среднестатистического потребителя, не обладающего специальными знаниями английского языка, следовательно, они отражают в целом картину распространения и функционирования английского языка в русскоязычном сообществе. Помимо окказиональной англо-русской транслитерации, упомянутой во введении, в качестве транслингвальных явлений будут рассмотрены проявления англо-русской диграфии, которые ранее исследовались под другими ракурсами лингвистической контактологии — как явления билингвальной креативности, межъязыковой лексической вариативности, графической реставрации, а также примеры ранее не рассматривавшейся стратегии сокращения перекрещивающейся лексики.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Транслингвальные стратегии во взаимодействии кириллицы и латиницы

Прежде чем перейти к описанию механизмов англо-национального транскриптализма, необходимо сделать важное уточнение. Как обсуждалось в работе [13. С. 27], соотношение понятий «билингвизм» и «транслингвизм» пока нельзя считать устоявшимся, поскольку каждое из них допускает широкую и узкую трактовку с точки зрения понятийного объема. В качестве одного из рабочих подходов к их разграничению в описании взаимодействия письменных систем можно исходить из следующего положения: глобальная англография создает условия для использования латиницы в рамках дискурса на национальном языке в качестве дополнительного ресурса речетворческого противопоставления языков или, наоборот, размывания границ между ними на письме [19. С. 255]. При таком подходе языковые единицы, в которых две письменные системы четко противопоставляются друг другу, можно рассматривать как билингвальные в узком понимании и бискрипталные/двуписьменные, а амбивалентные единицы, которые

трудно однозначно отнести к одному из языков или одной письменной системе, как транслингвальные и транс-письменные.

Противопоставление наглядно проявляется в графической языковой игре, например, при создании билингвальных каламбуров, типа англо-русского *БуGOODду* (название магазина парикмахерских принадлежностей) или *gepatitu.net* (название медицинского сайта). Подобные языковые единицы обычно описываются в терминах кодового переключения или кодового смешения, а механизм возникновения игрового эффекта рассматривается как результат намеренной гибридизации компонентов, принадлежащих к двум разным языковым системам (подробнее в [18]). Однако не во всех случаях оказывается возможным четко разграничить языковые системы в их графическом игровом взаимодействии. Например, на основе пересечения латиницы и кириллицы с помощью дополнительных графических манипуляций могут возникать случаи языковой амбивалентности, типа *НоготОК* (название маникюрного салона) или *Цвет'ок* (название цветочного салона). Омография английского *OK* и русского суффикса <-ок> не позволяют отнести эту часть слова ни к одному из языков. В современной языковой контактологии для описания подобных случаев в дополнение к традиционным понятиям кодового переключения и кодового смешения вводятся новые понятия, «кодовая амбигуация» (“code-ambiguation”) [20] и «кодовое слияние/переплетение» (“code-meshing”) [21]. Данные понятия подчеркивают размытый характер и интегрированность языкового репертуара говорящих и пишущих, что позволяет перейти от структурно-ориентированного к деятельностному, транслингвальному анализу многоязычия [21. С. 280] и описать языковые явления, которые раньше оставались «за скобками» контактологических исследований.

В новом свете при транслингвальном подходе предстают и другие спорные контактно-языковые явления. Например, статус так называемых «окказиональных заимствований», типа приведенных во введении *Айкрафт* и *Zavarka*, всегда был противоречивым в лингвистической контактологии, поскольку под «заимствованием» традиционно понимается принадлежность языковой единицы к принимающему языку и монологичность речи, в которой используется заимствование, а «окказиональность», наоборот, подразумевает незакрепленность единицы в системе принимающего языка и знание языка-источника, т.е. билингвизм говорящего. Транслингвальный подход позволяет снять вопрос о языковой принадлежности подобных единиц и трактовать их как проявления «транслингвальной креативности» [22], в основе которой лежит интегрированность языковых ресурсов и англо-национальная диграфия.

Англо-национальная диграфия, предполагающая широкую распространенность в языковом сообществе навыков практической транслитерации в обоих направлениях, вовлекает в число транслингвальных единиц многочисленные когнаты, интернационализмы и давние ассимилированные заимствования, которые под влиянием глобализации восстанавливают свои связи с английским языком и начинают вариативно использоваться как однословные вкрапления или кодовые переключения, например, *бар* — *bar* или *банк* — *bank*. П. Бэксаус отмечает, что такие слова, даже если они пишутся местным алфавитом, на самом деле не могут быть однозначно отнесены ни к принимающему языку, ни к языку-

источнику, а служат для принимающего языка своеобразным «троянским конем», который в любой момент может проявить свою иноязычную суть [23. С. 82—83]. Интегрированный транслингвальный репертуар носителей разных языков также активно пополняется за счет большого количества новых англоязычных заимствований, которые благодаря англо-национальной диграфии не демонстрируют тенденции к полной ассимиляции и сохраняют графическую вариативность, т.е. сосуществуют в двух вариантах написания в принимающем языке, как, например, лексема *ВИП/vip* — *VIP/vip* в современном русскоязычном дискурсе (подробнее о явлениях «графической реставрации» и «межъязыковой лексической вариативности» под влиянием глобализации английского языка в работе [17]).

Еще одна транслингвальная стратегия, размывающая границы между контактирующими языками и описываемая на материале разных языков, это стратегия усечения и аббревиации частично пересекающихся лексических единиц так, что трудно становится однозначно определить языковую принадлежность оставшейся совпадающей части. М. Себба [14] анализирует эту стратегию на примере выражения *dermatolog. tested* в описании косметического средства. Поскольку далее следует текст, в котором задействовано кодовое переключение трех языков, английского, немецкого и французского, единица *dermatolog.* может быть понята как сокращение любой из трех переключивающихся лексических единиц: *dermatolog. = dermatologically* (англ.)/*dermatologisch* (нем.)/*dermatologique* (фр.), следовательно, она не может быть однозначно отнесена ни к одному из этих языков и является «лингвистически нейтральной» [14. С. 108]. М. Себба подчеркивает, что данная стратегия не нова в письменном взаимодействии языков, и иллюстрирует ее примерами схожего взаимодействия средневекового английского с латынью. Сегодня такие же лингвистически амбивалентные примеры можно обнаружить во взаимодействии глобального английского с различными местными языками. Например, в названиях российских интернет-сайтов вместо полного названия города *Москва* в его транслитерированном варианте *Moskva* или в англоязычном названии *Moscow* часто используется усеченный вариант *mos*, например, *transport.mos.ru*, *mosmetro.ru*, *tender.mos.ru*, *mostaxi.ru*. Сочетаясь с когнатами, интернационализмами или заимствованиями, одинаково понятными в обеих системах письма и билингам, и носителям русского языка, обладающим только навыками диграфии (ср.: *транспорт* — *transport*, *метро* — *metro*, *тендер* — *tender*, *такси* — *taxi*), сокращение *mos* дополнительно акцентирует лингвистически нейтральный, транслингвальный статус данных названий. Более того, обозначения доменов высшего уровня, такие как *.com*, *.org* или *.ru*, изначально возникшие на основе английских лексем, в результате описанных тенденций и стратегий сегодня переосмысливаются как лингвистически амбивалентные, транслингвальные, ср.: *.org = organizatsiya* (латинизированный рус., *организация*)/*organization* (англ.); *.ru = russkij* (латинизированный рус., *русский*)/*Russian* (англ.). Представляется, что и в данном случае вместо попыток отнесения названий интернет-сайтов типа *mechtapoeta.com* или *texa.ru* к определенному языку или языковому варианту (русский вариант английского языка? латинизированный вариант русского языка? кодовое переключение/смешение русского и английского?) более корректно,

вслед за А. Пенникумом, отказаться от структурно-определенного, количественного подхода в пользу транслингвальной интерпретации.

3. ВЫВОДЫ

В рамках одной статьи невозможно подробно рассмотреть все стороны англо-национальной диграфии и транслингвальных стратегий, возникающих на ее основе. Дальнейшее исследование данной темы предполагает анализ функционально-семантического, прагматического, социолингвистического, психолингвистического и лингвокультурологического аспектов транслингвизма. Подчеркнем, что наблюдаемое сегодня в лингвистической контактологии расширение понятия «билингвизм» за счет новых «сплетений» и знаний [24. С. 367] с необходимостью должно включать транслингвальный подход к практикам и моделям билингвальной деятельности, в том числе, в письменном взаимодействии национальных языков с глобальным английским.

© Ривлина А.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Grivelet S.*, editor. Digraphia: Writing systems and society // *International Journal of the Sociology of Language*. 2001. № 150.
- [2] Словарь социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006.
- [3] *Bassetti B.* Bilingualism and writing systems // *Bhatia T.K., Ritchie W.C., editors. The handbook of bilingualism and multilingualism*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. P. 649–670.
- [4] *Blommaert J.* The sociolinguistics of globalization. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2010.
- [5] *Angermeyer P.S.* Spelling bilingualism: Script choice in Russian American classified ads and signage // *Language in Society*. 2005. Vol. 34. No. 4. P. 493–531.
- [6] *Unger J.M.* Functional digraphia in Japan as revealed in consumer product preferences // *International Journal of the Sociology of Language*. 2001. No. 150. P. 141–152.
- [7] *Bhatia T.K., Ritchie W.C.* Bilingualism and multilingualism in the global media and advertising // *Bhatia T.K., Ritchie W.C., editors. The handbook of bilingualism and multilingualism*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. P. 565–623.
- [8] *Proshina Z., Ustinova I.* English and Asian flavor in Russian advertising of the Far East // *Asian Englishes*. 2012. Vol. 15. No. 2. P. 30–59.
- [9] *Androutsopoulos J.* ‘Greeklish’: Transliteration practice and discourse in the context of computer-mediated digraphia // *Jaffe A., Androutsopoulos J., Sebba M., Johnson S., editors. Orthography as social action: Scripts, spelling, identity and power*. Boston and Berlin: Walter de Gruyter, 2012. P. 359–392.
- [10] *Canagarajah S.* Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations. London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2013.
- [11] *Pennycook A.* Language as a local practice. London and New York: Routledge, 2010.
- [12] *Прошина З.Г.* Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. Вып. 50. № 2. С. 6–9.
- [13] *Ривлина А.А.* Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. Вып. 50. № 2. С. 22–29.

- [14] *Sebba M.* Multilingualism in written discourse: An approach to the analysis of multilingual texts // *International Journal of Bilingualism*. 2012. Vol. 17. No. 1. P. 97—118.
- [15] *Androutsopoulos J.* Networked multilingualism: Some language practices on Facebook and their implications // *International Journal of Bilingualism*. 2015. Vol. 19. No. 2. P. 185—205.
- [16] *Proshina Z.G., Eddy A.*, editors. *Russian English: History, functions, and features*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- [17] *Ривлина А.А.* ВИП и/или VIP? Лексическая вариативность в свете глобализации английского языка // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2014. № 3. С. 22—31.
- [18] *Rivlina A.* Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play // *World Englishes*. 2015. Vol. 34. No. 3. P. 436—455.
- [19] *Angermeyer P.S.* Bilingualism meets digraphia: Script alternation and hybridity in Russian-American writing and beyond // *Sebba M., Mahootian S., Jonsson C.*, editors. *Language mixing and code-switching in writing*. New York and London: Routledge, 2012. P. 255—272.
- [20] *Moody A., Matsumoto Y.* “Don’t touch my moustache”: Language blending and code-ambiguation by two J-pop artists // *Asian Englishes*. 2003. Vol. 6. No. 1. P. 4—33.
- [21] *Canagarajah S.* Code-alternation studies: A trajectory // *Seargeant P., Swann J.*, editors. *English in the world: History, diversity, change*. Abingdon and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2012. P. 275—283.
- [22] *Qi F., Mo Sh.* Translingual creativities: a sociolinguistic case study of English lexical borrowings in Mandarin from perspectives of language contact // *Asian Englishes*. 2016. Vol. 18. No. 1. P. 19—35.
- [23] *Backhaus P.* Alphabet “ante portas”: How English text invades Japanese public space // *Visible Language*. 2007. Vol. 41. No. 1. P. 70—87.
- [24] *Бахтикиреева У.М.* Проект «Современные тенденции билингвального образования в России и мире»: вместо послесловия // *Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность»*. 2015. № 5. С. 366—374.

Для цитирования:

Ривлина А.А. Глобальная англо-национальная диграфия: транслингвальный аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 2. С. 171—180.

Сведения об авторе:

Ривлина Александра Абрамовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для социальных дисциплин Департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: rivlina@mail.ru

GLOBAL ENGLISH-LOCAL DIGRAPHIA: TRANSLINGUAL ASPECT

A.A. Rivlina

National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russia 101000

The paper aims to outline the major strategies of translingual English-Russian practices in Russia today. Based on widespread Russian-English/Roman-Cyrillic digraphia, these strategies generate ambivalent, language-neutral units, which cannot be unequivocally assigned to either of the languages

or written systems in contact, in modern written Russian-based discourse. The article analyses the examples from two communicative spheres where English-oriented translingualism is most pronounced in modern Russia: the sphere of Russian linguistic landscape and the names of Russian Internet sites. Translingual practices creating “fuzzy” zones between Russian and global English in their written interaction include nonce English-Russian transliteration, ludic “code-ambiguation” and “code-meshing”, bilingual lexical variation and graphic restoration of cognates, international words and borrowings, truncation and abbreviation of overlapping lexis.

Key words: globalisation, bilingualism, translingualism, biscriptalism, digraphia

REFERENCES

- [1] Grivelet S., editor. Digraphia: Writing systems and society. *International Journal of the Sociology of Language*. 2001. No. (150).
- [2] Mikhaltchenko V.Y., editor. *Slovar sotsiolingvistikicheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, 2006. (In Russ).
- [3] Bassetti B. Bilingualism and writing systems. In: Bhatia TK, Ritchie WC, editors. *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. P. 649–670.
- [4] Blommaert J. *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2010.
- [5] Angermeyer P.S. Spelling bilingualism: Script choice in Russian American classified ads and signage. *Language in Society*. 2005; 34(4): 493–531. doi:10.1017/S0047404505050190
- [6] Unger J.M. Functional digraphia in Japan as revealed in consumer product preferences. *International Journal of the Sociology of Language*. 2001. No. 150. P. 141–152.
- [7] Bhatia T.K., Ritchie W.C. Bilingualism and multilingualism in the global media and advertising. In: Bhatia T.K., Ritchie W.C., editors. *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. P. 565–623.
- [8] Proshina Z., Ustinova I. English and Asian flavor in Russian advertising of the Far East. *Asian Englishes*. 2012; 15(2): 30–59. doi: 10.1080/13488678.2012.10801329
- [9] Androutsopoulos J. ‘Greeklish’: Transliteration practice and discourse in the context of computer-mediated digraphia. In: Jaffe A., Androutsopoulos J., Sebba M., Johnson S., editors. *Orthography as social action: Scripts, spelling, identity and power*. Boston and Berlin: Walter de Gruyter, 2012. P. 359–392.
- [10] Canagarajah S. *Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations*. London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2013.
- [11] Pennycook A. *Language as a local practice*. London and New York: Routledge, 2010.
- [12] Proshina Z.G. *Problemy i perspektivy translingvalnykh i transkulturnykh kontaktov [Problems and perspectives of translingual and transcultural contacts] (vvedenie k tematicheskomu vypusku zhurnala). Social Sciences and Humanities in the Far East*. 2016; 50(2): 6–9. (In Russ).
- [13] Rivlina A.A. *Formirovanie globalnogo anglo-mestnogo bilingvizma i usilenie translingvalnoj praktiki [Formation of global English-Local bilingualism and strengthening of translingual practice]. Social Sciences and Humanities in the Far East*. 2016; 50(2): 22–29. (In Russ).
- [14] Sebba M. Multilingualism in written discourse: An approach to the analysis of multilingual texts. *International Journal of Bilingualism*. 2012; 17(1): 97–118. doi: 10.1177/1367006912438301
- [15] Androutsopoulos J. Networked multilingualism: Some language practices on Facebook and their implications. *International Journal of Bilingualism*. 2015; 19(2): 185–205. doi: 10.1177/1367006913489198
- [16] Proshina Z.G., Eddy A., editors. *Russian English: History, functions, and features*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. doi: 10.1017/CBO9781139683623
- [17] Rivlina A.A. VIP i/ili VIP? Leksicheskaya variativnost v svete globalizatsii angliiskogo yasyka. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2014. No. 3. P. 22–31.
- [18] Rivlina A. Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play. *World Englishes*. 2015; 34(3): 436–455. doi: 10.1111/weng.12153

- [19] Angermeyer P.S. Bilingualism meets digraphia: Script alternation and hybridity in Russian-American writing and beyond. In: Sebba M., Mahootian S., Jonsson C., editors. *Language mixing and code-switching in writing*. New York and London: Routledge, 2012. P. 255—272.
- [20] Moody A., Matsumoto Y. “Don’t touch my moustache”: Language blending and code-ambiguation by two J-pop artists. *Asian Englishes*. 2003; 6(1): 4—33. doi: 10.1080/13488678.2003.10801106
- [21] Canagarajah S. Code-alternation studies: A trajectory. In: Seargeant P., Swann J., editors. *English in the world: History, diversity, change*. Abingdon and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2012. P. 275—283.
- [22] Qi F., Mo Sh. Translingual creativities: a sociolinguistic case study of English lexical borrowings in Mandarin from perspectives of language contact. *Asian Englishes*. 2016; 18(1): 19—35. doi: 10.1080/13488678.2015.1134762
- [23] Backhaus P. Alphabet “ante portas”: How English text invades Japanese public space. *Visible Language*. 2007; 41(1): 70—87.
- [24] Bakhtikireeva U.M. Modern trends in the development of bilingual education in Russia and in the world (Instead of Epilogue to the special issue of the Bulletin). *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series of Educational Issues: Languages and Speciality*. 2015. No. 5. P. 366—374. (In Russ).

For citation:

Rivlina A.A. (2017) Global english-local digraphia: translingual aspect. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (2), 171—180.

Bio Note:

Rivlina Alexandra Abramovna is a Candidate in Philology, Associate Professor of the Department of English for Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics”. E-mail: rivlina@mail.ru